ОТЗЫВЪ

о

СОЧИНЕНІИ В. И. ЧЕРНЫШЕВА:

„Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики“. (Рукопись),

составленный

акад. А. А. Шахматовымъ.

Оттискъ изъ «Сборника отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г.». (Преміи имени М. И. Михельсона).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1911.

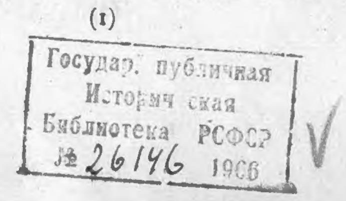
Отзывъ о сочиненіи В. И. ЧЕРНЫШЕВА:

„Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики". (Рукопись),

составленный академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ собраны и помѣщены въ систематическомъ порядкѣ правила употребленія тѣхъ формъ и оборотовъ рѣчи, которые затрудняютъ пишущихъ и говорящихъ. Такъ опредѣляетъ авторъ содержаніе своего труда и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе понятія стилистической грамматики. Его трудъ заключаетъ въ себѣ прежде всего «основныя вполнѣ утвержденныя правила стилистической грамматики». Правила эти извлекаются имъ изъ трехъ основныхъ источниковъ русской рѣчи: 1) общепринятаго современнаго употребленія, 2) произведеній образцовыхъ русскихъ писателей, 3) лучшихъ грамматикъ и грамматическихъ изслѣдованій литературнаго русскаго языка. Пособіемъ при разрѣшеніи разбираемыхъ вопросовъ служатъ также данныя народнаго языка.

Въ предпосланномъ авторомъ своему труду введеніи В. И. Чернышевъ указываетъ на ходъ измѣненія русскаго литературнаго языка. Кромѣ дѣйствія времени авторъ отмѣчаетъ вліяніе на русскій литературный языкъ языковъ иностранныхъ, въ особенности славянскаго церковнаго языка и французскаго, а также вліяніе народной грамматики на литературную. Сложностью

этихъ вліяній, въ особенности послѣдняго, затрудняется вопросъ о томъ, какимъ формамъ рѣчи слѣдуетъ отдавать предпочтеніе. «Понятіе о правильности рѣчи не всегда пріобрѣтается знаніемъ грамматическихъ формъ языка». Это положеніе доказывается тѣмъ, что мы часто избѣгаемъ или совсѣмъ не допускаемъ въ рѣчи формъ, построенныхъ совершенно правильно, но не принятыхъ въ литературѣ. Указавъ на то, что элементы практической пользы издавна входили въ значительной степени въ русскую грамматику, авторъ отмѣчаетъ, что «чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше стилистика удаляется изъ грамматики». «Литературный языкъ считается вполнѣ сложившимся, колебанія допускаются все меньше и меньше; въ школѣ неограниченную власть пріобрѣтаетъ тотъ или другой учебникъ, иногда весьма далекій отъ идеальнаго совершенства; въ печати корректоры съ большимъ упрямствомъ и непониманіемъ портятъ языкъ всѣхъ знаменитыхъ писателей, воображая, что они исправляютъ ошибки». Все это убѣждаетъ автора въ томъ, что обсужденіе вопросовъ стилистической грамматики въ наше время дѣло не лишнее и при томъ дѣло, нужное прежде всего для практическаго примѣненія языка. Указавъ на разборѣ статьи Н. М. Николича, напечатанной въ Фил. Зап. за 1877 годъ, что отъ дѣйствительныхъ «неправильностей» языка нужно отличать «мнимыя», которыя устанавливаются диллетантскими учебниками и статьями, В. И. Чернышевъ выставляетъ положеніе, что въ созданіи литературнаго языка талантливые писатели идутъ впереди, а грамматика должна идти вслѣдъ за ними.

За такимъ введеніемъ идетъ изложеніе стилистичной грамматики, разбитое на слѣдующіе отдѣлы: *Фонетика* (11—20). *Образованіе и измѣненіе словъ.* Образованіе существительныхъ (22—58), родъ словъ (60—68), число (70—74), словообразованіе прилагательныхъ (76—91), мѣстоименія (92—95), числительныя (95—97) словообразованіе глаголовъ (99—115), спряженіе (116—128), причастіе и дѣепричастіе (129—137). *Синтаксисъ.* Подлежащее (137—138), сказуемое (138—140),

безличныя предложенія (140—142), согласованіе (142—145), родительный падежъ (145—147), дательный падежъ (147—148), винительный падежъ (148—152), творительный падежъ (152—155), согласованіе числительныхъ съ именами (156—157), предлоги и падежи при нихъ (157—166), стеченіе падежей и созвучныхъ словъ (166—168), соединеніе предложеній (168—189).

Что же содержатъ въ себѣ всѣ эти отдѣлы обширнаго труда Чернышева? Мы находимъ въ нихъ весьма значительный подборъ словъ, формъ, оборотовъ, извлеченныхъ изъ русскихъ писателей, и представляющихся по той или иной причинѣ заслуживающими упоминанія, частью какъ явныя противъ русскаго языка искаженія, частью какъ простонародныя, діалектическія или устарѣвшія выраженія, вышедшія изъ употребленія изъ современнаго литературнаго языка; мы находимъ здѣсь также и подборъ колебаній въ русской литературной рѣчи. Приведенные изъ писателей факты снабжаются точными ссылками. Кругъ изслѣдованныхъ писателей достаточно обширенъ, причемъ въ концѣ указаны источники автора. Добросовѣстность этихъ указаній должна быть отмѣчена. Авторъ указываетъ, напр., что изъ Ист. Г. Р. имъ использованы I и VIII томы въ первомъ изд., изъ соч. И. С. Никитина II томъ, изъ стихотвореній Полонскаго I и V томы, изъ сочиненій Писемскаго только XIV и XVI томы и т. д. Но авторъ взялъ на себя трудъ прочесть нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ по современнымъ имъ изданіямъ: Лермонтовъ прочтенъ по От. Зап. за 1839—1840 гг., Записки Охотника по второму изд. 1859 года.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что указанныя авторомъ книги изучены имъ основательно и использованы въ полной мѣрѣ; точное указаніе источниковъ облегчаетъ дальнѣйшую работу, т. е. между прочимъ пополненіе собранныхъ авторомъ матеріаловъ.

Я укажу ниже на положительную заслугу кропотливаго и полезнаго труда В. И. Чернышева. А здѣсь предложу нѣ-

сколько возраженій, касающихся общаго замысла труда и общаго его выполненія.

Во-первыхъ, я не уяснилъ себѣ, что именно разумѣетъ авторъ подъ стилистической грамматикой. Изъ разсмотрѣннаго выше предисловія и введенія можно заключить, что стилистическая грамматика — это грамматика русскаго литературнаго языка. Удачно ли употребленіе термина «стилистическая грамматика» — это другой вопросъ, но ясно, что стилистическая грамматика, какъ и всякая другая (историческая, практическая, теоретическая и т. д.) предполагаетъ то или иное положительное содержаніе, т. е. прежде всего указаніе на извѣстныя нормальныя явленія въ словоупотребленіи и словоизмѣненіи. Авторъ обѣщалъ дать больше—онъ намѣревался предложить «основныя вполнѣ утвержденныя правила стилистической грамматики». Свой трудъ онъ назвалъ «Опытомъ русской стилистической грамматики». Мы напрасно будемъ искать въ этомъ трудѣ не только основныхъ вполнѣ утвержденныхъ правилъ, но также и вообще данныхъ, характеризующихъ нормальное, общепринятое словоупотребленіе. Вмѣсто того авторъ предложилъ «значительное собраніе примѣровъ неправильнаго употребленія формъ и оборотовъ рѣчи». Неясно, съ какой именно стороны разсматривается эта ихъ неправильность: если со стороны современнаго словоупотребленія, то необходимо было бы указаніямъ на неправильность предпослать «основныя вполнѣ утвержденныя правила», которыми руководствуется обычное словоупотребленіе; если со стороны ихъ несоотвѣтствія вообще русскому литературному языку въ разныхъ фазисахъ его существованія, то полезно было бы подтвердить это ихъ несоотвѣтствіе указаніемъ на «правильныя» формы для той или иной эпохи жизни русскаго литературнаго языка. Поясню свои сомнѣнія примѣрами. На стр. 11—12 приводятся изъ авторовъ слова, употребленныя ими не въ той фонетической формѣ, въ какой они приняты въ литературномъ языкѣ, а въ той, въ какой они слышатся въ народѣ или говорятся въ просторѣчіи. Въ числѣ самыхъ разнообразныхъ

и разноречивыхъ примѣровъ, которые врядъ ли правильно соединить въ одну категорію, находимъ форму ропчу, ропчетъ, вм. ропщу, ропщетъ, изъ Державина. Мы, конечно, въ правѣ отмѣтить, что современный литературный языкъ усвояетъ себѣ церковнославянское произношеніе съ щ, но было ли ошибочнымъ указанное словоупотребленіе во времена Державина, требовала ли и тогда литературная рѣчь произношенія съ щ—это остается невыясненнымъ. — Равнымъ образомъ розный у Бѣлинскаго, Пушкина, розница у Карамзина вмѣсто современныхъ литературныхъ разный, разница едва ли можно признать народными или просторѣчивыми формами; рѣчь образованныхъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ еще удерживала о въ этомъ словѣ, и названные писатели не допустили вульгаризма, употребивъ произношеніе съ о. — На стр. 31 читаемъ: «Въ предложномъ падежѣ форма на у вмѣсто ѣ въ литературн. языкѣ извѣстна въ небольшомъ и болѣе или менѣе точно опредѣленномъ кругѣ словъ. Писатели выходятъ изъ предѣловъ этого круга, то уклоняясь въ сторону народнаго языка, сравнительно богатаго формами на у, то стремясь къ книжному однообразію, предпочитающему формы на ѣ». Далѣе приведены примѣры: въ гробу, въ дому, въ дыму, въ миру, на острову, въ отпуску, въ песку, въ полку, въ пологу, на потолку, въ поту, въ пруду, въ терему, въ углу, въ уголку, въ холоду, въ шкапу; напротивъ: на балѣ, въ прудѣ, въ узлѣ, въ углѣ. Нахожу рѣшительно недостаточной ссылку на то, что формы на у извѣстны въ болѣе или менѣе точно опредѣленномъ кругѣ словъ. Думаю, что автору слѣдовало опредѣлить этотъ кругъ и указать между прочимъ на любопытную зависимость упомянутаго окончанія съ у отъ ударенія слова (совр. литер. языкъ употребляетъ у въ мѣст. ед. только подъ удареніемъ и при томъ отъ словъ, допускающихъ въ другихъ падежахъ удареніе не на окончаніи). Подобное указаніе, подтвержденное достаточнымъ количествомъ примѣровъ, дало бы гораздо больше, чѣмъ предложенный авторомъ перечень уклоненій, тѣмъ болѣе что читателю не дается

данныхъ для сужденія, точно ли всѣ приведенные примѣры представляются уклоненіями отъ нормы, точно ли современному языку чужды формы какъ въ дыму (онъ весь въ дыму), въ отпуску, въ полку, въ углу. Читатель можетъ придти въ недоумѣніе, когда увидитъ, что авторъ считаетъ уклоненіемъ и на пруду у Писемскаго, и въ прудѣ у Достоевскаго, въ углу у Крылова и въ углѣ у Полонскаго. Гдѣ же тѣ положительныя правила, которыя обѣщалъ В. И. Чернышевъ, и какой можно извлечь изъ его сопоставленій отвѣтъ на вопросъ, какъ же сказать: въ прудѣ или въ пруду, въ углѣ или въ углу, въ узлѣ или въ узлу? Необходимо было кромѣ того различить еще кое что въ этихъ и подобныхъ формахъ на у: мы говоримъ онъ въ поту, но книжное выраженіе въ потѣ лица своего представляетъ книжную форму потѣ; мы говоримъ въ родѣ Шереметевыхъ, но у него въ роду, ему на роду написано. Далѣе послѣ предлога о, объ окончаніе у совсѣмъ не употребляется. Все это мы желали бы видѣть оговореннымъ и точно опредѣленнымъ. Если бы авторъ заявилъ намъ, что это не входитъ въ его задачу, то мы рѣшительно отказались бы понять, въ чемъ же именно онъ видитъ свою задачу. Тѣ же замѣчанія можно повторить относительно формы им. мн. на а вм. ы, разсмотрѣнной авторомъ на стр. 34 и сл. «Употребленіе санкціонируетъ множество случаевъ съ окончаніемъ -а (я) вмѣсто -ы въ имен. пад. мн. числа мужескаго рода. Таковы формы: дома, города, лѣса, луга, учителя, писаря, лѣкаря и т. п.». «Стилистической граматикѣ», какъ мнѣ кажется, слѣдовало бы, во-первыхъ, отмѣтить, что такое окончаніе получаетъ только извѣстная категорія словъ, а именно тѣ слова, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ допускаютъ удареніе не на окончаніи (до́ма—дома̀, но боба́—бобы́), во-вторыхъ, точно указать, какія именно слова этой категоріи допускаютъ окончаніе а. Съ точки зрѣнія современнаго языка волоса́, довольно обычное у писателей, какъ отмѣчаетъ В. И. Чернышевъ, вполнѣ законно, но куста́ (форма приводится, но не подтверждается В. И. Чернышевымъ) и староста́ не допустимы. На стр. 45 указывается

правило, по которому имена ж. рода на а, я въ р. пад. мн. ч. должны оканчиваться на ъ, ь, «но разговорный языкъ допускаетъ иногда окончанiе ей, которое встрѣчается и у писателей». Далѣе приводятся примѣры: тучей изъ Ломоносова, вельможей изъ Державина и Пушкина, зарей изъ Батюшкова и Дмитрiева, свѣчей изъ Грибоѣдова, Пушкина, Никитина и т. д. Я думаю, что необходимо было бы отмѣтить, что свѣчей въ современномъ литературномъ языкѣ весьма обычно, между тѣмъ какъ тучей, бурей и т. п. совсѣмъ въ немъ не извѣстны. Кромѣ того В. И. Чернышевымъ упущены изъ виду формы р. п. мн. числа словъ, какъ поздря, пеня, рохля, шестерня, распря и др., имѣющихъ въ литературномъ языкѣ окончанiе ей. Итакъ цѣль, поставленная себѣ авторомъ, не достигнута. Вмѣсто опредѣленнаго указанiя на то, каково именно словоупотребленiе или словоизмѣненiе въ современномъ литературномъ языкѣ—а мнѣ кажется, что именно такую цѣль поставилъ себѣ В. И. Чернышевъ — мы видимъ въ его трудѣ пеструю смѣсь разныхъ уклоненiй въ сторону отъ нормы, оставшейся невыясненною. Замѣчу при этомъ, что въ синтаксисѣ авторъ нѣсколько измѣнилъ прiемы изложенiя. Такъ на стр. 168 В. И. Чернышевъ рѣшительно утверждаетъ, что «не принято сочинять союзами соединительными или противительными полнаго придаточнаго предложенiя съ сокращенными, т. е. причастiя (прилагательнаго) и дѣепричастiя съ мѣстоименiемъ который (кой)». Выставивъ такое утвержденiе, онъ рѣшительно объявляетъ *неправильными* такiе обороты у образцовыхъ писателей, гдѣ замѣчаются соотвѣтствующiя уклоненiя. На стр. 174 указано, что послѣ союзовъ чѣмъ и нежели русскiй языкъ не допускаетъ въ придаточномъ предложенiи неопредѣленнаго наклоненiя, если въ главномъ предложенiи, поставленномъ впереди придаточнаго, сказуемое выражено изъявительнымъ наклоненiемъ; при этомъ на стр. 174—175 отмѣчаются примѣры правильнаго словоупотребленiя, а примѣръ изъ «Ундины» Жуковскаго «Долго по свѣту долженъ былъ странствовать прежде, Нежели къ намъ дорогу найти»? объявляется неправильнымъ и объясняется, какъ галлицизмъ.

Во-вторыхъ, авторъ въ погонѣ за пестротой литературнаго языка прошлаго времени упускаетъ изъ виду современныя отношенія, современную норму. Такъ на стр. 132 читаемъ: «Глаголы совершеннаго вида въ русскомъ языкѣ могутъ принимать формы дѣепричастія съ окончаніемъ настоящаго времени и употребляться съ значеніемъ прошедшаго: увидя (= увидѣвъ), замѣтя (= замѣтивъ), высуня (=высунувъ). Формъ этихъ очень много у писателей и ихъ нужно считать вошедшими въ общее употребленіе». Въ подтвержденіе приводится рядъ примѣровъ изъ Пушкина, два примѣра изъ Лермонтова (изъ которыхъ одинъ: «Упавъ монета зазвенѣла, ударя о камень» сомнителенъ, два нехарактерныхъ примѣра изъ Достоевскаго (ибо «разиня ротъ», «высуня языкъ», составляютъ окаменѣвшія нарѣчныя выраженія) и одинъ примѣръ изъ стихотвореній гр. А. Толстого. Мнѣ кажется, что современный языкъ рѣшительно избѣгаетъ подобныя дѣепричастія: ихъ, правда, очень много у Достоевскаго (мы въ правѣ были бы ожидать, что это будетъ отмѣчено В. И. Чернышевымъ), но для современнаго языка они представляются рѣшительно устарѣвшими. Мнѣ кажется, что мы употребляемъ въ современномъ языкѣ такія причастія только въ окаменѣлыхъ выраженіяхъ, какъ разиня ротъ, спустя рукава, сломя голову, высуня языкъ, сложа руки, положа руку на сердце. Впрочемъ окончаніе -ясь конкурируетъ еще съ окончаніемъ -ившись. Думаю, что В. И. Чернышеву необходимо было подробнѣе остановиться на дѣйствительномъ, живомъ словоупотребленіи. Недостаточностью изслѣдованія современныхъ отношеній объясняется, напр., и то обстоятельство, что на стр. 104 В. И. Чернышевъ относительно любопытнаго колебанія произношенія въ глаголахъ несовершеннаго вида на-ивать ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ нѣкоторыхъ глаголахъ вида несовершеннаго современный языкъ предпочитаетъ въ письмѣ и произношеніи гласный *а* на мѣстѣ коренного *о:* перепархивать, оспаривать, устраивать». Далѣе приведены три примѣра изъ Дмитріева, Пушкина и Тургенева, гдѣ употребляются формы

съ *о:* перепорхиваетъ, оспоривая, устроиваетъ, при чемъ указывается, что *о* могло быть написано по производству, а не по произношенію. Изъ этого примѣра выясняется отчасти ходъ работы Чернышева: онъ заговорилъ объ упомянутыхъ формахъ на -ивать именно потому, что нашелъ у писателей три примѣра иного произношенія сравнительно съ произношеніемъ, усвоеннымъ себѣ самимъ В. И. Чернышевымъ. Но это не натолкнуло его на болѣе подробную разработку, а именно на наблюденія надъ этими формами въ современномъ ихъ употребленіи. Самое наблюденіе указало бы на упорную борьбу, которую ведутъ формы на *а* съ формами на *о;* отъ автора стилистической грамматики мы ожидали бы болѣе опредѣленныхъ указаній относительно этой борьбы, относительно колебанія въ произношеніи унаваживать и унавоживать, удваивать и удвоивать, зарабатывать и заработывать; я не думаю, чтобы В. И. Чернышевъ признавалъ, чтобы произношеніе: обуславливать, сосредоточивать, уполномачивать предпочиталось современнымъ литературнымъ языкомъ произношенію обусловливать, сосредоточивать, уполномочивать. Можно было ожидать, что авторъ удѣлитъ больше вниманія вопросу о сочетаніи числительныхъ два, три, четыре съ существительными. Существуетъ значительное колебаніе въ употребленіи формъ прилагательныхъ при опредѣленіи существительныхъ, зависящихъ отъ этихъ числительныхъ. Какъ сказать: два хорошіе мальчика или два хорошихъ мальчика, два глубокія озера или два глубокихъ озера? Никакихъ указаній на этотъ счетъ мы у В. И. Чернышева (ср. § 38 на стр. 151) не найдемъ. Предположеніе, что у Гаршина «вагонъ багажный и два перваго класса» представляетъ примѣръ для род. пад. въ зависимости отъ два,—предположеніе, опровергнутое затѣмъ правильною догадкою автора, что послѣ «два» опущено «вагона» — должно быть оставлено.

Въ-третьихъ, автора можно упрекнуть за недостаточность систематизаціи собраннаго имъ матеріала. Въ отдѣлѣ фонетики разсмотрѣны вопросы правописанія и произношенія, хотя по-

слѣднія по сдѣланной въ введеніи оговоркѣ не подлежали бы разсмотрѣнію въ настоящемъ трудѣ. Такъ «впрямъ» у Крылова свидѣтельствуетъ только о произношеніи этого слова съ твердымъ *м*, и равнымъ образомъ «воружась» у Крылова, «воружилъ» и «вображаетъ» у Державина, «зартачиться» у Тургенева ведутъ насъ къ обычному произношенію этихъ словъ въ литературномъ языкѣ; «жневье» у Тургенева едва ли не по какой либо ошибочной этимологіи замѣнило ожидаемое жнивье. Итакъ впрямъ — впрямь, зартачиться и заартачиться — это одни и тѣ же слова въ разномъ произношеніи. Между тѣмъ загинала и загибала, кокушка и кукушка, слюня и слюна, тополовый и тополевый—это разныя слова. Въ главѣ, разсматривающей родъ словъ, значительная часть содержанія должна была бы быть отнесена въ отдѣлъ словообразованія: родъ словъ кашне, портмоне могъ бы быть разсмотрѣнъ въ этой главѣ; но родъ словъ сѣнокосъ м. при сѣнокоса ж., фасадъ при фасада, полумисокъ при полумиска опредѣляется ихъ различными окончаніями и долженъ былъ быть разсмотрѣнъ въ главѣ, трактующей о словообразованіи. Слово облако средняго рода и тогда, когда образуетъ родит. облаковъ; неясно, для чего на стр. 65 приведены примѣры р. мн. облакъ изъ Пушкина и Фета. Думаю, что форма облаки у Огарева, такъ же, какъ форма яблоки, не даютъ основанія предполагать перехода этихъ словъ въ ср. р. Въ главѣ, трактующей о числѣ, также смѣшаны разныя явленія, напр. Л. Толстой и Достоевскій употребляютъ слово кресло въ ед. ч.; нельзя же сопоставить это съ выраженіемъ за кулисой вм. за кулисами у Пушкина или съ обратнымъ употребленіемъ верхами вм. верхомъ. Равнымъ образомъ употребленіе собирательнаго людъ, вм. ожидаемаго мн. числа, нельзя разсматривать напр. вмѣстѣ съ употребленіемъ будень вмѣсто будни, чернило вм. чернила, вверхъ тормашкой вм. тормашками. Въ § 21 (стр. 95—96) читаемъ, что числительныя все больше и больше утрачиваютъ свою способность измѣняться по падежамъ. «Для насъ уже невозможно употребленіе формы: стомъ, необычно во

стѣ, вполнѣ возможно пятидесятью, шестидесятью вм. пятьюдесятью, шестьюдесятью, какъ это видимъ въ книжномъ языкѣ». Далѣе приведены примѣры на твор. стомъ изъ Державина, во стѣ изъ Лермонтова, семьюдесятью изъ Пушкина, пятьюдесятью изъ «Бирж. Вѣд.» за 1909 годъ. Вся замѣтка составлена, очевидно, наспѣхъ и вводныя къ примѣрамъ слова подобраны, конечно, только для того, чтобы помѣстить эти примѣры. Неясно, почему пятьюдесятью противоположено, какъ старая форма, формѣ пятидесятью, какъ новообразованію. Неужели пятидесятью можетъ быть сопоставлено съ утратой склоненія слова сто и свидѣтельствовать о потерѣ числительными способности измѣненія по падежамъ? На стр. 133—134 приводятся въ одной категоріи странныя для слуха образованныхъ людей формы причастій, какъ преодолѣнный, грызомый, несомый, беря, желавъ, поя, пиша, хотя.

Въ-четвертыхъ, мы находимъ въ трудѣ В. И. Чернышева нѣсколько ошибочныхъ утвержденій. Напр., неправильно признавать написанія на ію въ тв. ед. ж. р. (вещію у Бѣлинскаго, помощію у Достоевскаго, мыслію у Достоевскаго и Л. Толстого) за славянскія формы—ію, замѣняющія ью графически потому, что іе чередуется съ ье въ рядѣ другихъ словъ. Написанія, какъ сообщенья, мгновенье, радушьемъ, благоволѣньемъ, убѣжденье въ «Запискахъ охотника» Тургенева не могутъ служить доказательствомъ въ пользу того, что «новый литературный языкъ отдаетъ замѣтное предпочтеніе русскимъ формамъ». Вѣдь современные писатели пишутъ именно убѣжденіе, радушіе. Конечно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ орѳографическими особенностями, и строить на нихъ заключеніе о фактахъ языка неосторожно. На стр. 15 отрицается литературное произношеніе: не идетъ, не идешь, не идущій вмѣсто: нейдетъ и т. д.; думаю, что то и другое произношеніе одинаково употребительны въ живой рѣчи. Ошибочно утверждается на стр. 77, будто «отечественныя прилагательныя» употреблялись у насъ въ разсказѣ и письмѣ обыкновенно съ суфиксомъ -овичъ, -евичъ, между тѣмъ, какъ прежніе писатели охотнѣе пользовались народными формами на -ычъ, -ичъ. Вѣрно,

что мы пишемъ Павловичъ, Ивановичъ, но говоримъ Павлычъ, Иванычъ, Тимоѳеичъ.

Весь трудъ В. И. Чернышева представляетъ мнѣ составленнымъ на живую руку и безъ опредѣленнаго плана. Отличный знатокъ русскаго языка, наблюдательный читатель, внимательный изслѣдователь, В. И. Чернышевъ читалъ русскихъ авторовъ съ карандашомъ въ рукѣ и выписывалъ изъ нихъ различныя особенности въ ихъ языкѣ. Въ результатѣ накопился обширный матеріалъ. Онъ рѣшилъ издать его въ систематизированномъ видѣ. Но, какъ мы видѣли, систематизація ему не удалась. Она потребовала бы ряда работъ, взяться за которыя авторъ не рѣшился, спѣша съ приведеніемъ въ порядокъ своихъ выписокъ. Весьма ошибается В. И. Чернышевъ, предполагая, что въ результатѣ этой поверхностной обработки случайныхъ матеріаловъ получилась у него стилистическая грамматика русскаго языка. Собранныя имъ данныя представляются полезнымъ матеріаломъ и для исторической граматики русскаго языка, и для грамматики современнаго литературнаго языка. Давно назрѣла пора составить такую грамматику. Въ основаніе ея долженъ быть положенъ языкъ опредѣлённаго круга писателей, работавшихъ въ послѣднія два-три десятилѣтія, при чемъ добытые результаты должны быть самымъ тщательнымъ образомъ сопоставлены съ наблюденіями надъ живымъ языкомъ современнаго образованнаго общества, жителей столичныхъ городовъ и другихъ крупныхъ центровъ. Раскрывая трудъ В. И. Чернышева, я думалъ найти попытку осуществленія этой назрѣвшей потребности.

Въ заключеніе настоящей рецензіи я долженъ отмѣтить, что трудъ В. И. Чернышева удовлетворяетъ вполнѣ 9-й изъ объявленныхъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности задачъ на соисканіе премій М. И. Михельсона. Имѣя въ виду указанные выше недостатки въ распредѣленіи матеріала, я ходатайствую о награжденіи В. И. Чернышева неполною преміей имени М. И. Михельсона.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

